

Ляудис В.Я.

Культура памяти¹

Новое в рамках постклассических походов исследования Культуры памяти предполагает изменение понимания всех условий и обстоятельств, связанных с ее становлением, развитием и функционированием в системе развивающейся личности.

Наши исследования развития памяти были начаты во, второй половине ушедшего XX столетия. И это время имело определенное значение для познания и выявления тех аспектов и развития, и функционирования памяти, которые не были значимы либо не были затребованы в доинформационную индустриальную эпоху.

Прежний кумулятивный подход к памяти, сложившийся в эмпирической психологии и широко принятый в практике образования, как к способности «запоминать, сохранять и воспроизводить прошлый опыт» утратил актуальность перед лицом новых быстродействующих информационных устройств с бесконечно увеличивающимся объемом памяти. Акцент на обращенность памяти исключительно к прошлому также мало соответствовал новому «историческому типу личности», который утверждался в быстро и непредсказуемо изменяющемся мире со второй половины XX века. Поэтому мы обратились к тем функциональным свойствам памяти человека, которые так или иначе замечались ранее и философами, и психологами (М. Гюйо, А. Бергсон, П. Жане, Ж. Пиаже и др.), однако не были помещены в центр понимания функционирования всех ее генетически различных форм, не стали инструментальной характеристикой памяти. В результате мы пришли к пониманию памяти как регуляторного образования, центральной функцией которого является пространственно-временная (хронотопическая) организация внутренних схем деятельности личности, их координация с динамикой смыслов, целей, разворачивающихся в актуальном, реальном пространстве и времени.

Введение понятия «хронотоп» в контекст психологических исследований памяти, выявление структурного своеобразия хронотопов памяти на различных ступенях онтогенеза позволило нам по-новому посмотреть на взаимоотношения памяти и личности, увидеть за ступенями онтогенеза памяти ступени становления личностной самоорганизации.

¹ Ляудис В.Я. Культура памяти // Мир психологии: научно-методический журнал. – № 1 (25). – М; Воронеж: Московский психолого-социальный институт РАО, 2001. – Сс. 14-22. [Текст приводится в сокращении].

В настоящей статье кратко охарактеризуем хронотопическую специфику выделенных нами генетических форм памяти, а далее рассмотрим типологию самоорганизации личности, основанную на различиях хронотопов.

Хронотопическая специфика различных онтогенетических форм памяти в проводимых автором исследованиях были определены структурно-функциональные характеристики четырех генетических форм памяти: 1) бессознательной непровольной, 2) внешне опосредствованной переходной от досознательных к рефлексируемым, частично осознаваемым, 3) произвольной, 4) метапамяти. В этой связи само традиционное противопоставление низшего (непровольного) и высшего (произвольного) видов памяти получило иную трактовку: как исходных, начальных и как развитых форм, имеющих промежуточные стадии становления и составляющих единую линию развития с другими регуляторными образованиями в онтогенезе личности, то есть развивающимися в общей логике усложнения внутренних саморегулятивных структур.

Выделение первых двух генетических форм памяти, относящихся к досознательным уровням ее функционирования, и их структурная и функциональная характеристики оказались возможными благодаря применению новых разработанных нами методов исследования онтогенеза памяти. Это методы моделирования естественных ситуаций жизнедеятельности ребенка или деятельности начинающего профессионала (для анализа ранних бессознательных форм) и проектирования, организации ситуаций совместной продуктивной деятельности учеников с учителем (при анализе становления внешне опосредованных форм памяти). В обоих случаях специально обеспечивались необходимая полнота условий, создающих высокий уровень мотивации изучаемых поведения, деятельности, взаимодействий испытуемых, и многообразие форм актуализации собственного опыта личности. К такого рода условиям относятся: 1) поддерживающая и помогающая позиция экспериментатора или учителя; 2) совместная деятельность не только с ними, но и со сверстниками; 3) включение испытуемого в решение продуктивных и творческих задач. Необходимо особо подчеркнуть, что именно разрыв с применяемыми прежде методами исследования памяти, которые были ориентированы на изучение памяти как ставшей, имеющейся субстанции, а не становящегося в процессе порождения поведения и взаимодействий новообразования, и позволил нам обнаружить особенности становления, эволюции и функционирования досознательных генетических форм памяти в реальных ситуациях жизнедеятельности личности и их связь с разными типами пространственно-временной организации внутренних схем события собственного поведения, взаимодействий и отношений.

Каждая из 4 выделенных нами форм памяти имеет свою специфическую хронотопическую структуру, отличающуюся мерой зависимости от пространственно-временных свойств реальности, составляющих содержание соответствующего конструируемого опыта личности. Ранние, начальные хронотопы несут печать действий субъекта в реальном пространстве и времени значимых ситуаций. Они неосознаваемы и менее подвержены изменениям, перестройке. В хронотопах развитых форм памяти связь времени и пространства опосредована идеальными формами активности, внутренними действиями в плане собственных представлений, которые предопределены не логикой пространственно-временных связей реальных ситуаций, но свойствами времени-пространства деятельности с идеальными предметами в их разнообразных знаково-символических формах. Эти хронотопы осмысленны и конструируемы личностью, служат основой реализации ее ценностных установок и жизненных смыслов и становятся предметом ее конструктивных либо разрушающих усилий.

1. Первая — наиболее ранняя, бессознательная, произвольная — форма памяти, наблюдаемая как у детей (0 — 3 года), так и у взрослых, начинающих освоение новых видов деятельности, является «пред-идеальным» образованием. Ее хронотопы представляют собой прямую проекцию схем собственных предметно-практических действий ребенка в окружающей среде. Самые ранние хронотопы несут в себе характеристики порядка и последовательности действий в системе значимых практических взаимодействий. Наиболее простой исходный хронотоп обнаруживает себя в суточных ритмах активности (сна — бодрствования), включающих организм в социально заданные ритмы жизнедеятельности. Интересно, что нарушение этих изначальных хронотопов, как показали исследования спелеолога М. Сифра (1966), возникает в условиях полной сенсорной депривации (при длительном пребывании в глубинах земли) и выражается в неосознаваемой личностью утрате привычных суточных циклов активности, а именно в том, что 24-часовой суточный ритм растягивается до 48 часов. Факт бессознательной перестройки в условиях строгой депривации того, что физиологи называют циркадными ритмами, подтверждает, во-первых, не безусловный, а конструируемый, формируемый характер этого хронотопа. Во-вторых, указывает на ситуативность и неосознаваемость его регуляторного воздействия на поведение. В-третьих, свидетельствует, что такие хронотопы неотделимы от ситуаций формирования и функционирования актов поведения. Именно поэтому изменение той ситуации, в которой они формировались, приводит к их нарушению или существенной деформации. У личности человека возникает неуверенность либо отказ от привычного поведения в силу разрушения ситуации, служащей внешней опорой для реализации

внутренней схемы, регулирующей его выполнение. Внутренняя проекция действий самого ребенка в соответствующих ситуациях и с соответствующими предметами составляет исходный материал для формирования предобразов, отражающих предметы, людей и ситуации, и является существенным моментом их конструирования. Хронотопы бессознательной произвольной памяти обеспечивают готовность к соответствующим актам и возможность их предвосхищения, но лишь в рамках хорошо освоенных ребенком ситуаций, вне которых поведение лишается гибкости, направленности и саморегулируемости. Вне этих ситуаций исчезает самая способность ребенка идентифицировать собственное действие, сформированное в ней.

В рамках бессознательной произвольной памяти мы выделили три качественно различных подвида: предметно-практическая, наглядно-ситуативная и наглядно-образная.

Первая из них характеризуется как элементарными хронотопами суточных циклов активности организма, так и более сложными, упорядочивающими и соподчиняющими акты поведения в систему, соответствующую «режиму дня» ребенка. Эти хронотопы лежат в основе внутренней готовности ребенка к актуализации поведения, соответствующего ситуации. Тем самым они придают поведению элементарную организованность, системность.

В хронотопах наглядно-ситуативной памяти временные границы внутренних схем поведения раздвигаются, что и делает его предвосхищаемым уже в масштабах недели, месяца. Появляется возможность длительных задержек исполнения действий и завершения отсроченных и прерванных действий. Однако эти хронотопы не образуют еще обособленного от самих практических действий внутреннего плана систем деятельности,, что делает поведение жестко привязанным к побуждающим его ситуациям и чрезвычайно «ломким» при изменении этих ситуаций.

Обособление пространственно-временной организации системных актов поведения от самих этих актов происходит лишь на уровне наглядно-образной памяти, хронотопы которой обеспечивают предвосхищение порядка и последовательности действий и представлений еще до начала их актуализации. Хронотопы этого уровня сообщают поведению ребенка свободу задержки, перестановки и отсроченного завершения актов поведения, их реорганизации по ходу выполнения. Известная независимость пространственно-временных отношений от системы актов поведения, их выделение в качестве обобщенных представлений о последовательности как таковой значительно расширяет зону антиципируемого поведения, изменяет уровень внутренней регуляции

любого опыта. Тем самым подготавливается переход к хронотопам качественно нового уровня, связанным с овладением речью, системой знаково-символических средств.

2. Вторая форма — внешне опосредованная переходная память, хронотопы внешне опосредованной переходной памяти (3 — 10 лет) являются специфическими схемами организации времени и пространства в системах знаково-символической деятельности. Их становление составляет, несомненно, один из драматических периодов начального оформления внутреннего мира личности с помощью средств культуры. Период этот недостаточно оценен по силе его влияния на эмоционально-смысловую и интеллектуальную сферы. Захватывая дошкольное и начальное школьное детство, он несет труднопреодолимое противоречие между пассивным созерцательно-эстетическим отношением ребенка к миру и активным конструктивным началом, предполагающим экспансию новых культурных средств и преобразование с их помощью плана представлений.

Для характеристики этих хронотопов, конечно, имеют значение сами виды знаковых и символических средств, осваиваемых ребенком. Однако психологический прогресс этой формы памяти определяется все же не самим по себе освоенным средством, а тем, в какой функции оно выступает для субъекта: обозначающей или регулирующей. Многообразие хронотопов внешне опосредствованной памяти определяется поэтому не столько характером используемых языков культуры (драматизация, вербальная речь, музыка, изображение на дисплее), сколько функциональной ролью, которую приобретают в поведении различные формы знаковой деятельности. Переход от обозначающей к регулирующей функции знаков и образов-символов изменяет позицию субъекта и в отношении к плану представлений — к внутреннему миру, и к самой действительности. Появляется частично произвольная регуляция мира представлений и самого процесса становления представлений, а также выбор способов и направлений их пространственно-временной организации в устном или письменном высказывании. Вместе с тем в процессе развития на протяжении этого возрастного периода хронотопы внешне опосредствованной памяти все более приобретают структуру коммуникативных актов и начинают выполнять соответствующие функции. В них обособливаются два первоначально недифференцированных внутренних действия: организация содержания плана представления и организация порядка и последовательности выражения этого содержания в тех или иных знаково-символических средствах, о чем также свидетельствуют и наши исследования текстов сочинений детьми сказок при формировании письменной речи в начальной школе.

Хотя в хронотопической структуре переходной памяти организация плана выражения содержания опыта уже обособлена от построения самого содержания представлений, что делает субъекта способным к внутренней коммуникации (речевому воспроизведению собственного опыта), однако коммуникативная функция осуществляется ситуативно, она неотделима от процесса построения самого содержания представлений и чрезвычайно зависит от характера организации процесса освоения знаковой (например, письменная речь) или символической (например, игра, танец, рисунок) деятельностей.

Говоря о функции хронотопов переходной памяти в появлении автокоммуникации, следует отметить, что они также расширяют возможности осознанной смысловой организации личностью актуального плана ее действий в соотношении с предстоящим, то есть этот тип хронотопа является переломным и в отношении зарождения и эволюции прогностической функции памяти. Поэтому не случайно П. Жане, Л.С. Выготский и другие исследователи относили к собственно человеческим те формы памяти, которые связаны с речью. И хотя они допускали ошибку в отношении социальной природы и функций наиболее ранней бессознательной памяти, считая ее биологически обусловленной, «непосредственной», с их оценкой специфических свойств речевой памяти, связанных с повествованием, описанием, рассказом, следует согласиться. Ибо здесь формируется уже тот тип хронотопов, который подчиняется не хронологии внешних ситуативных движений и действий с предметами, а логике интеллектуальных действий с особым пространством-временем знаковых и символических форм культуры. Все поведение, в том числе и предметно-практическое, бытовое, начинает осуществляться на основе этого нового механизма.

3. Хронотопы произвольной памяти (третья форма) — это уже развитые в структурном отношении идеальные саморегулирующиеся образования. Они включают дифференцированную по функциям систему, состоящую из четырех операций умственных действий, формирующих процессы достижения целей запоминания и припоминания в соответствии со смыслами ситуаций жизнедеятельности личности. В контексте обсуждаемой в данной статье проблемы отметим своеобразие построения хронотопа мнемического действия в ряду хронотопов других генетических форм памяти. Оно заключается в опережающем актуальный план деятельности и взаимодействий селективном конструировании моделей, проектов будущего, отвечающих как структуре запоминаемого объекта, так и смысловым установкам личности. Предпрограммирование будущей деятельности — это не что иное, как намерение, в котором время-пространство актуальной ситуации действий преобразовано субъектом в порядок и последовательность

программируемых для будущего актов поведения, определяемых и актуальными смысловыми установками личности, и предвосхищаемыми вероятностями последующего использования модели объекта. Не случайно Л.С. Выготский, говоря о высших формах памяти, повторял мысль Спинозы: намерение есть память.

Хронотопы произвольной памяти — это особые целостные саморегулирующиеся образования с развитой обратной связью в системе функциональных звеньев, определяющие модели предстоящей деятельности или намерения. Их связь с процессом субъективного прогнозирования несомненна.

Наши исследования показали, что наиболее эффективным условием формирования мнемического действия, то есть произвольного процесса запоминания и припоминания, является (так же как и формирования досознательных форм памяти) не тренаж, упражнения в заучивании чего бы то ни было: текстов, стихов, шахматных партий и проч., а порождение, создание новых культурных форм дискурса и прежде всего таких жанров нарратива, которые не включают научный текст: описание — воспоминание значимой ситуации, личный дневник, дневник путешествия; повествование — о событии, об интересном наблюдении, сновидении и т. д.; рассказ — драматизация и проблематизация волнующей жизненной ситуации. Все эти разные жанры нарратива (повествования), выступая в культуре как готовые модели функционирования сознания, дают широкие возможности упражнения в вероятностном конструировании пространственно-временных структур целостности осознаваемого и описываемого содержания. Подтверждением роли освоения этих жанров культурной формы для развития памяти самосознающей и растущей личности приведем мнение двух современных философов о том, что исследовательские и экспериментальные возможности нарратива сложным образом переплетены с самой нашей изменчивой действительностью — с текучим материалом и символической реальностью наших действий, сознаний, желаний. По-видимому, не последней функцией нарратива является его способность наделять человеческое существование особой открытостью и пластичностью». В конечном счете, порождая различные жанры нарратива, мы упражняем способность вероятностного проектирования, как говорил А. Ухтомский, «хронотопов в бытии и доминанты в нас».

4. Иной тип саморегуляции предстает на уровне метапамяти. Эта форма характерна для высококвалифицированного профессионала и связана с появлением системной рефлексии, то есть с селективной, вероятностной, внутренне контролируемой организацией всей системы умственных действий, конструирующих модели предстоящей деятельности. В

хронотопах метапамяти фиксируются осознаваемые либо бессознательные смысловые ориентации личности, определяющие отбор содержания и формы организации опыта. Особенности хронотопов метапамяти обнаруживаются в способности человека легко перестраивать модель ситуации или объекта во внутреннем плане, не обращаясь к актуальной ситуации; мгновенно запоминать (за время, равное времени восприятия) и мгновенно избирательно актуализировать необходимые фрагменты ситуации либо ее целостные характеристики, переструктурируя во внутреннем плане критерии организации этой целостности в зависимости от изменений в смысловом поле. Иными словами, на уровне метапамяти формируются хронотопы, организующие не только содержательный план представлений, но и самую систему операций мнемических действий, характер прямых и обратных связей в этой системе таким образом, что она приобретает характер, открытый возможностям альтернативной, творческой реконструкции опыта. Хронотоп, регулирующий воспроизведение опыта субъекта на этом уровне функционирования памяти, служит не столько принятию и достижению новых целей, сколько их порождению в связи с новыми, обнаруживаемыми личностью смыслами поведения, деятельности и отношений.

Разумеется, приведенные нами характеристики хронотопов различных генетических уровней памяти схематичны, но они позволяют проследить перестройку отношений памяти и личности в онтогенезе. Хронотопы перестраиваются в ходе онтогенеза в направлении все большей дифференциации функций: консервативной, регуляторной, коммуникативной, прогностической. Если хронотопы исходной досознательной памяти — базис инстанции личности, неотторжимый от пространственно-временных свойств индивидуальной ситуации, где строятся начальные акты поведения, то хронотопы метапамяти — это полифункциональная, дифференцированная открытая система, дающая выход личности в расширяющееся пространство новых смыслов и целей. Хронотопы высших форм памяти несут функции внутренней самоорганизации субъекта опыта, определяющие все более широкие перспективы как формирования нового опыта, так и его использования, все более полную готовность к будущему. На этом уровне функционирования достигает наибольшего развития не только прогностическая, опережающая функция памяти, но и коммуникативная — личность вступает в коммуникацию с собой, овладевая произвольностью воспоминаний и в конечном счете становясь свободной в отношении ко всему временному ряду прошлого — настоящего — будущего.

Взаимосвязь хронотопов всех уровней функционирования памяти служит надежным резервом и самоорганизации, и компенсации нарушений различных мозговых структур. Так, в случае нарушения в экстремальных условиях (подобных уже упоминавшейся ситуации

сенсорной и социальной депривации, описанной М. Сифром) хронотопов высших уровней организации субъект может защитить целостность всех систем, обеспечивающих функционирование личности, актуализировав хронотопы других уровней. Как, к примеру, это произошло у М. Сифра, когда после нескольких недель одиночества в глубокой пещере он вынужден был перейти к непрерывной письменной фиксации того, что им сделано в течение бодрствования, и того, что он намеревается делать. Переход к этой внешней форме организации компенсировал утрату памяти в отношении актов повседневного поведения, связанную с нарушением хронотопов произвольной памяти (системы умственных действий во внутреннем плане, ответственных за моделирование взаимосвязи актуально выполняемых действий с целями и смыслами повседневной жизни).

Более сложные нарушения во взаимосвязи хронотопов всех уровней организации возникают при утрате личностного смысла жизни. В этом катастрофическом случае нарушения целостности личности уже не спасает переход к самоорганизации с помощью элементарных хронотопов. Здесь обнаруживается необходимость в поиске новых смыслов, что может привести как к снижению духовного уровня смыслов, так и к обнаружению смыслов «высшего духовного уровня» (Гете).

Типология форм самоорганизации личности, основанная на различии хронотопов памяти. Представление о развитии памяти как о становлении и смене типов хронотопов вводит некоторые новые аналитические предпосылки для понимания природы самоорганизации личности. Прежде всего оно помогает воссоздать более полную картину генезиса самоорганизации поведения, включая те ступени ее становления, где образования сознания и самосознания еще не приобрели регуляторных функций, то есть на этапах бессознательных и неосознаваемых способов организации поведения. Вместе с тем «хронотопический» анализ проливает дополнительный свет на сложную природу внутренней детерминации развитых осознанных форм организации, помогая уяснить психологические условия, раздвигающие границы самоопределения и свободы личности.

Приведенная выше типология хронотопов при всей вполне осознаваемой нами схематичности может помочь в выделении типов самоорганизации личности, соответствующих разным генетическим уровням функционирования памяти. Каждый из четырех типов хронотопов создает основу определенного уровня или типа самоорганизации. Центральным критерием, различающим эти типы, служит способность прогнозирования будущего, качественно различные способы организации актуального поведения в отношении к прошлому и предстоящему.

Для более рельефного представления о своеобразии уровней самоорганизации воспользуемся моделью прогнозирования будущего, предложенной Дж. Платтом. Исследователь выделил три уровня прогнозирования: «баллистическое» будущее (предвидение, основанное на анализе тенденций, характерно для настоящего), «возможностное» или вероятностное будущее (предвидение будущего, учитывающее решения, действия, отношения, возможные в настоящем), «профетическое» будущее — предсказание будущего, основанное на разного рода догадках (пророчества, утопии, антиутопии).

Хронотопы ранних форм памяти порождают такой тип самоорганизации, который не может выйти за пределы прожитых и пережитых человеком ситуаций. Это внутриситуативная самоорганизация, осуществляющаяся на основе освоенных способов действий, отношений, поведения, задаваемых свойствами наличной ситуации. Если здесь и осуществляется предвидение будущего, то только в условиях, аналогичных ранее бывшим, в форме антиципаций ранее освоенных действий, отношений, поступков. Самоорганизация на этом уровне развития памяти бессознательна и реализуется субъектом по принципу актуализации ситуативных стереотипов поведения.

Хронотопы внешне опосредствованной памяти создают основу межситуативной самоорганизации. Обособление плана внутренних умственных действий от предметно-практических форм поведения расширяет рамки упреждения актуального поведения в пределах освоенных способов представлений. Поведение планируется и организуется субъектом на уровне предвосхищения небывалых ситуаций. Однако критерии учета реальности в прогнозе остаются в рамках имеющегося опыта. И там, где новая ситуация несет больше черт сходства с ранее освоенными, прогноз оказывается успешным и саморегуляция эффективной. Будущее выступает как осознанная проекция настоящего, черты которого угадываются, усматриваются в тех или иных ситуациях.

Хронотопы произвольной памяти служат основой следующей качественно новой ступени самоорганизации — полиситуативной. Этот тип самоорганизации уже связан с осознанным, независимым от наличной ситуации прогнозированием будущего в результате выдвижения субъектом целей, синтезирующих деятельность и поведение в различных значимых ситуациях. Планирование и организация будущих действий строятся не только осознанно, но и с учетом возможностей и тенденций, определившихся в актуальных ситуациях и поведении. Учет и гипотетически возможных в настоящем действий, проецируемых в будущее, придает этому типу самоорганизации конструктивный характер.

Хронотопы метапамяти лежат в основе внеситуативной самоорганизации, характеризующейся максимальным развитием прогностической функции внутреннего плана представлений. Прогноз будущего определяет актуальный план поведения; оно полностью утрачивает ситуативный характер. Настоящее опосредствуется проектами будущего. Только этот тип самоорганизации обеспечивает регуляцию поведения на основе будущего не постфактум, а с учетом в актуальном плане поведения и действий многообразия изменчивости ситуации в полифонии целей и смыслов деятельности. Этот тип самоорганизации гарантирует открытость системы поведения по отношению к новым смысловым ориентациям и к оперативно выдвигаемым новым целям, соответствующим новым смысловым позициям личности. Внеситуативная самоорганизация строит новую позицию личности в отношении к актуальному, прошлому, будущему. Позицию свободы от жесткого следования заранее принятым намерениям и подготовленным проектам будущего. Позицию максимальной оперативной готовности к «поворотам судьбы». К главенству ценностных ориентаций, вневременных ценностей и смыслов над операционно-исполнительной схемой, что и предотвращает «шок будущего».

Соотнося четыре типа самоорганизации с выделенными Дж. Платтом уровнями прогнозирования будущего, подчеркнем, что внутри- и межситуативный типы самоорганизации обеспечивают прогноз в рамках «баллистического» будущего, на которое человек еще не может повлиять. На определенных уровнях развития хронотопов внешне опосредствованной памяти и межситуативной самоорганизации появляется прогноз на уровне «профетического» будущего, основанный на фантазиях, игре воображения. «Возможностное», вероятностное будущее прогнозируется только в связи с появлением поли- и внеситуативной самоорганизации. Только эти типы самоорганизации приводят к активному преобразованию своего поведения с позиций будущего.

Все рассмотренные типы самоорганизации, как и хронотопы памяти, не исключают друг друга в организации реальной системы поведения, а находятся во взаимосвязи. Будучи сформированными в ходе онтогенеза, они сосуществуют в системе самоорганизации различных форм поведения развитой личности. Высший тип — внеситуативная самоорганизация — определяет стратегию поведения далеко не в каждой жизненной ситуации, а лишь в тех, которые выступают как наиболее профессионально и жизненно значимые.

Приведенная типология самоорганизации личности не является сугубо гипотетическим конструктом. Мы имели возможность проверить ее экспериментально и подтвердить эмпирическими данными.

В заключение — несколько слов о значении «хронотопического» подхода в изучении личности и личностной самоорганизации. Речь здесь, по-видимому, должна идти о роли хронотопического анализа в решении теоретических проблем, касающихся природы, механизмов и условий развития самоорганизации личности. Большие возможности, как нам кажется, этот подход открывает для прикладной психологии. Прежде всего — для развития новых методов диагностики уровней самоорганизации личности, опирающихся на выявление типов хронотопов и уровней прогнозирования; на определение того, что мы назвали бы «шагом прогноза», для выявления зон сензитивности личности к тем или иным формам воспитательного воздействия на ее ценностные образования.

Следует также учесть не только внутринаучные функции хронотопического анализа самоорганизации личности, но и его роль в раздвигании рамок обыденного сознания, в формировании нового взгляда на отношение личности и общества. В частности, хронотопический или даже более широко — хронопсихологический анализ личностной самоорганизации может помочь в осознании тех трудностей индивидуального и социально-психологического плана, которыми вплоть до появления экстремальных, пограничных состояний так богата сейчас наша действительность периода глобальной ломки в ценностной системе общества.

Завершая статью, вернемся к тому вопросу, с которого она начиналась. В чем заключается кардинальное изменение культуры памяти и ее развитие в наше время? Самый краткий ответ на этот вопрос: исторические координаты индивидуальной памяти современного человека таковы, что она обращена не только к Прошлому, но и к Будущему, динамичными и лабильными хронотопами которого должна прорасти каждая актуально переживаемая ситуация. В самом деле, мы вступили в историческую эпоху глобальной информатизации, когда территория индивидуальной памяти — это Память всей Культуры. Протяни руку к клавише — и вот оно блистательное искусство эпохи Возрождения или фольклор народов Крайнего Севера, ученый трактат Дж. Бруно или лирика французских символистов. Но информационное изобилие рождает проблемы отбора, селекции, самопонимания в сделанном выборе и ответственности за него. «Здесь и сейчас!» — внушают психологи-терапевты в неустанной заботе о самоактуализации личности. Но если «здесь» — не планета Земля, не Вселенная, а «сейчас» — не Будущее, прорастающее своими

возможными мирами в Вечность. Если это «сейчас» не обременено строгим выбором Предстоящего, то «что нас сохранит от ужаса, который был «бегом времени» когда-то наречен» (А, Ахматова). Ответ на это вопрошание дает А. Блок с юношеской дерзостью открытого для гипотетических миров человеческого сознания, экспериментирующего с изменчивой действительностью:

О, я хочу безмерно — жить!

Все сущее — увековечить,

Безличное — вочеловечить,

Несбывшееся — воплотить!